

## Глава 1

В трубке раздалась серия коротких, размеренных гудков, сменившихся безучастным голосом автоответчика:

— Абонент временно недоступен...

Юнь Цзи нажал на повтор.

Снова сбросили.

За стеклом автомобиля сгущался глухой ночной сумрак. Фары выхватывали из темноты лишь узкую, зыбкую полосу асфальта. Позади остались почти четыре часа пути, и веки Юнь Цзи налились свинцовой тяжестью.

Благо хоть трасса пустовала. Лишь изредка навстречу выползали тяжелые фуры, только-только вышедшие в рейс.

В салоне тихо бормотал радиоприемник:

—... Вы уже слышали новую песню Цун Ле? Наш бессменный король чартов превзошел сам себя! Настоящий триумф. Хочется, чтобы эту музыку услышал каждый житель нашей планеты...

Юнь Цзи убавил громкость. Переключив систему на автопилот, он перехватил руль левой рукой, а правой достал из пачки сигарету «Жёлтая башня журавля». Прикурил, затянулся и снова набрал знакомый номер.

— Алло! Господин Юнь, это Лян Чао. Что-то случилось? — в трубке раздался голос ассистента.

— Где Цун Ле? Почему ты отвечаешь на его звонки? — Юнь Цзи не утруждал себя любезностями. — Позови его к телефону.

Лян Чао замялся, подбирая слова:

— Брат Ле... понимаете, он сейчас в студии. Пишет вокал.

— У него что, запись посреди ночи? — Юнь Цзи шумно выдохнул дым, и его тон заметно остыл.  
— Насколько я помню, его график чист с сегодняшнего обеда и до послезавтра.

Они слишком давно не виделись — вечно не совпадали расписания. Чтобы выкроить время для

этой встречи, Юнь Цзи лично изучил расписание Цун Ле до мельчайших деталей. Там значилась лишь дневная запись, а дальше — долгожданное окно.

У самого Юнь Цзи на этот вечер намечался банкет в соседней провинции. Но ради встречи с Цун Ле он не пригубил за ужином ни капли спиртного. Кое-как проглотив пару холодных закусок для приличия, он сослался на срочные дела и сорвался в обратный путь.

Если бы не внезапный звонок от младшего брата, Юнь Шу, он бы до сих пор питал иллюзии, что эта ночь может стать для них особенной.

Верить словам Юнь Шу не хотелось. Но разобраться во всем без самого Цун Ле было невозможно.

— Он... — Лян Чао перешел на полушёпот. — Господин Юнь, нам правда пришлось срочно вставить дополнительную сессию.

Юнь Цзи молча затянулся сигаретой.

— Трубку ему отдай.

В трубке повисла долгая тишина. Наконец послышался голос Цун Ле:

— Да.

Этот бархатный, глубокий тембр сводил с ума миллионы фанатов. Даже пропущенный сквозь сотовую связь, короткий вздох звуковой волной отозвался в груди.

У Юнь Цзи предательски зашипало в носу. Внезапно все наговоры брата показались глупыми и ненужными. Ему расхотелось устраивать допросы. Хотелось просто спросить, проголодался ли Цун Ле, и какую соль для ванны насыпать сегодня вечером.

Он скользнул взглядом по соседнему сиденью, где лежал букет роз, усыпанный прохладными каплями росы.

— Ты женился на мне под давлением?

В ответ — тишина.

Юнь Цзи нахмурился. То ли холодная закуска на банкете оказалась несвежей, то ли нервы сдали, но желудок внезапно скрутило резкой, режущей болью.

Он упрямо повторил:

— Цун Ле, ответь. Это правда? Ты пошёл со мной под венец только потому, что Юнь Шу угрожал уничтожить твою карьеру?

Спустя бесконечно долгие секунды Цун Ле сухо переспросил:

— И это всё, что наплел тебе твой брат?

Юнь Цзи глубоко вдохнул, пытаясь удержать ускользающее самообладание.

— Значит, это правда?

На самом деле, удивления он не почувствовал.

Их браку шёл третий год. И все эти три года Цун Ле оставался ледяным, бесконечно далеким. Юнь Цзи прекрасно понимал, что эта любовь была односторонней. И всё же надеялся: даже камень можно согреть, если прижать к груди достаточно крепко.

А ведь Цун Ле не был просто камнем. Он был редчайшим, ослепительным алмазом. Кто бы устоял перед искушением заставить его сиять для себя одного?

Но сейчас к горлу подступила невыносимая горечь.

— Почему ты молчал? — Юнь Цзи трясущимися пальцами прикурил вторую сигарету, отчаянно цепляясь за остатки гордости. — Скажи ты мне всё сразу, я бы никогда не принудил тебя к этому браку. И уж точно не позволил бы Юнь Шу навредить тебе.

— Ты решил устроить мне допрос? — красивый голос Цун Ле прозвучал безразлично, словно шуршание сухой листвы.

— Допрос? — Юнь Цзи со злостью раздавил едва начатую сигарету в пепельнице и переключил фары на ближний свет. — Я просто пытаюсь понять, что у тебя в голове. Хочу знать, почему...

«Почему ты так и не смог меня полюбить?» — этот вопрос рвался с языка, но задать его означало окончательно унизиться.

Преодолевая нарастающий спазм в желудке, Юнь Цзи глухо произнес:

— Давай поговорим лично. Когда ты будешь дома?

Слепо верить наветам брата было глупо — за этим наверняка крылось что-то еще.

Но Цун Ле отрезал без колебаний:

— Не стоит. Раз ты для себя уже всё решил, разговаривать нам не о чем.

Юнь Цзи на мгновение онемел от этой жесткости.

— Что это значит?

— Если тебе так важен официальный статус, я могу и дальше изображать прилежного мужа, — в интонациях Цун Ле проступили ледяные нотки. — Но раз ты уверяешь, что не пошел бы на это, знай ты правду... Что ж, полагаю, этот брак исчерпал себя. Нам пора развестись.

Юнь Цзи промолчал. Господи, каким же нелепым и жалким он сейчас себе казался.

— Что значит «важен статус»? — прошептал он. — Разве я чего-то тебя лишил?

— Господин Юнь, — в голосе Цун Ле прозвучала откровенная насмешка, — удушающий контроль и одержимость — это еще не любовь.

Юнь Цзи беззвучно ловил ртом воздух.

«Контроль? Одержимость?»

В чём же проявлялась эта его одержимость? В том, что он отчаянно искал редких встреч раз в несколько месяцев? В том, что искренне, до безумия желал ему счастья и успеха?

И как вообще можно было «удушать» человека, который месяцами не появлялся дома, не притрагивался к его подаркам и не соизволил оставить для законного супруга хотя бы один билет на собственный концерт?

Выслушав брата, Юнь Цзи искренне раскаялся. Он чувствовал себя виноватым. Но Цун Ле воспринял его звонок как нападение и, не задумываясь, выставил счет: развод.

— Надо же, как тебе не повезло оказаться в моей собственности, — Юнь Цзи горько усмехнулся. — Что же ты молчал столько времени? Столько мучений стерпел ради приличия. Всё, забирай свою свободу. Вы, творцы, ведь только ею и дышите? Я возвращаю её тебе.

В желудке полыхнуло адским огнем, словно туда плеснули кислоты.

На том конце провода молчали.

Юнь Цзи не выдержал, нажал отбой и, скорчившись, прижался лбом к рулю. Спазм скрутил его пополам.

Внезапно лобовое стекло залил ослепительный, мертвенно-белый свет. Из темноты вынырнула огромная туша грузовика, оглушительно завыл клаксон.

Юнь Цзи инстинктивно рванул руль вправо. Но скорость была слишком высока, а ближний свет скрыл обрыв у самой обочины. Он просто не успел нажать на тормоз.

Внедорожник марки «Чероки» сорвался со склона. Машину закрутило, она с бешеной скоростью покатила вниз, сминая кусты и врезаясь в валуны.

Металл сминался со страшным, оглушительным скрежетом. От страшных ударов в ушах зазвенело.

Когда груда искореженного железа наконец замерла у подножия горы, Юнь Цзи всё ещё был в сознании.

Сквозь треск разбитой приборной панели едва слышно пробивался хриплый, прерывистый голос из радиоприемника. Это пел Цун Ле.

Юнь Цзи не мог открыть глаза. Силы стремительно покидали его, унося с собой осколки сознания.

Перед лицом смерти он вдруг понял всё с пугающей ясностью. Цун Ле ведь никогда не лгал. Он всегда честно показывал: ты мне не нужен.

А он, наивный глупец, верил, что упорством можно добиться чего угодно. Разорвал отношения с семьей, положил жизнь на то, чтобы расчистить Цун Ле дорогу к славе... Какая эгоистичная, слепая преданность. Ведь его жертвы никому не были нужны.

Тьма окончательно застелила взор, но лицом Юнь Цзи уловил первые капли дождя. Начиналась гроза. Воздух наполнился запахом сырой земли и озона.

Песня Цун Ле продолжала звучать где-то совсем близко, над самым ухом:

«... Тень фонаря застыла у дорог, дождь отраженный перешагнет порог. Тихо шепнет прохлада мне: «Прощай»... Профиль родной черчу я невпопад... Думаю о тебе, о том, кто так любил меня когда-то...»

Угасающим разумом Юнь Цзи вяло подивился: он и не знал, что у Цун Ле есть столь проникновенная, тоскливая баллада.

Зрачки расширились, уставившись в пустоту, но на искусанных губах застыла слабая, умиротворенная улыбка.

«Так даже лучше».

Гроыхнул мощный взрыв. Языки багрового пламени взметнулись к ночному небу.

\*\*\*

— Гэ! Гэ! Ну проснись же, гэ!

Звонкий голосок Юнь Шу разительно отличался от хриплого баритона заядлого курильщика Юнь Цзи. Этот крик мертвого из могилы поднял бы.

Решив, что чудом выжил в автокатастрофе, Юнь Цзи с трудом разлепил веки. Он собирался строго спросить мелкого, с чего вдруг тот затеял вчерашний телефонный разговор, как вдруг Юнь Шу с разбегу рухнул на кровать и стиснул его в объятиях:

— Почему ты не предупредил, что возвращаешься в город? Я так соскучился, гэ!

Юнь Цзи, борясь с приступом тошноты и диким головокружением, вяло оттолкнул брата:

— Слезь с меня. И говори нормально.

Юнь Шу обиженно надул губы:

— Вчера вечером отец обмолвился, что ты прилетел. Я-то думал, мы наконец поиграем на приставке, примчался сюда сломя голову, а ты опять нарезался в стельку... Ладно, я уже приготовил завтрак. Всё еще тошнит? Есть хочешь?

«Отец? Приставка? Стелька?»

Юнь Цзи нахмурился. Он медленно поднял руки и уставился на свои ладони. Кожа была чистой, гладкой, без единой царапины. Никаких следов страшной аварии, превратившей его тело в кровавое месиво.

— Да ладно тебе, будто сам не знаешь нашего старика! — Юнь Шу небрежно потянулся к тарелке на прикроватной тумбочке, сорвал крупную виноградину и отправил в рот. —

Поворчит и успокоится, он же за тебя переживает. Вчера утром твой самолет едва коснулся полосы, а ему уже доложили.

Юнь Цзи выдавил из себя хриплое:

— Самолёт?

Юнь Шу перестал жевать и обеспокоенно приложил ладонь к его лбу:

— Гэ, ты как? Совсем память отшибло после вчерашнего?

И, не дожидаясь ответа, затараторил вновь:

— И чего ты в этом Цун Ле нашел? Ну высокий, ну смазливый, ну фанаток у него толпы безмозглых. Знать бы раньше, что тебя на таких тянет... Стоило ради него лететь в Шэньчжэнь на концерт?

— Откуда в тебе столько болтовни с утра пораньше? У тебя занятий нет? — Юнь Цзи отвел взгляд в сторону и наткнулся на валявшуюся в углу сумку-почтальон от LV.

Юнь Шу окончил университет еще в прошлом году. Зачем ему таскать старую студенческую сумку?

— Ну да, — Юнь Шу закинул в рот еще одну виноградину. — Ты меня вообще не слушаешь! Наша вступительная сессия идет всюду, до понедельника время есть. Осталась только линейная алгебра. Да это раз плюнуть, я даже готовиться не буду, автоматом зачет получу.

В университете Юнь Шу действительно ежесеместрово проводили экзамены на освобождение от курсов. А линейную алгебру сдавали во втором семестре второго курса.

Юнь Цзи потянулся к лежащему рядом телефону и нажал на кнопку разблокировки. На экране высветилась дата: начало марта. Три года назад.

Ему понадобилось ровно пять секунд, чтобы осознать невероятное.

Он переродился.

Отец еще жив.

Они с Цун Ле еще не женаты. Сейчас идет период его безумных, публичных ухаживаний, когда он швырял к ногам музыканта миллионы.

А сам Цун Ле... Тот вовсе не соглашался встречаться. Он просто устал отчаянно отбиваться от настырного богача и пустил всё на самотек.

— Слушай, гэ, тебе вообще деньги нужны? — не унимался младший. — Отец строго-настрого запретил помогать тебе, все твои счета заблокированы. Пришлось идти в банк и снимать наличные.

Он подтянул к себе сумку, расстегнул молнию и вывалил на одеяло увесистые пачки красных купюр.

— Если мало, я еще сниму.

Юнь Цзи устало потер переносицу.

— Хватит.

Этот эпизод он помнил отчетливо. Юнь Шу всегда умел устраивать представления.

— Гэ... — Юнь Шу снова заглянул ему в лицо, точно преданный щенок. — Может, извинишься перед отцом? Seriously, этот Цун Ле не стоит твоих страданий. Папа прав: шоу-бизнес — это помойка, там нормальных людей нет. Поразвлекался и хватит, зачем сразу в загс тащить? Посмотри на себя! Ради какого-то певуна рассорился с системой, лишился дома и ютишься в этой жалкой лачуге.

Он брезгливо оглядел просторную гостиную:

— Подумать только, три комнаты и холл! И ради этого? Он хотя бы раз навестил тебя здесь?

Стоило ему договорить, как в прихожей раздался залиvistый трезвон дверного звонка.

— Кого там принесло? — недовольно крикнул Юнь Шу, шлепая босыми ногами по паркету.

Из-за двери донесся знакомый голос. Собеседник явно тяжело дышал, словно после долгого бега, но его глубокий, чарующий тембр невозможно было перепутать ни с чем:

— Это я.